УДК 341

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИНДИВИДОВ

Ю.В. Самович

Кемеровский государственный университет
E-mail: sazhar1@pisem.net

Статья посвящена современному состоянию практики и доктрин о международной правосубъектности физических лиц, а также возможностям физических лиц, как участников международных правоотношений.

Вопрос о международной правосубъектности индивидов является одним из наиболее спорных в юридической науке. Согласно теории права субъектом права считается лицо, участвующее или способное участвовать в правоотношении. Правовые отношения отличаются от других волевых отношений наличием у их сторон юридических прав и юридических обязанностей, установленных нормами права. Эти стороны правоотношений мы и называем «субъектами правоотношений».

Субъект правоотношений – обязательный их элемент, поскольку правомочие, право – всегда чье-либо право, а юридическая обязанность – всегда чья-либо обязанность.

Принадлежащее личности или коллективному образованию, как участнику конкретного общественного отношения, право называется субъективным правом. Этому праву противостоит субъективная обязанность, то есть долженствование определенного поведения у другого лица. Общественное отношение, стороны в котором связаны между собой правом и обязанностью, именуется правоотношением.

«Субъект права» и «субъект правоотношения» – не тождественные понятия, хотя в литературе их часто соединяют [1. С. 84]. Субъект правоотношения – это субъект права, реализующий свое правовое содержание.

С.С. Алексеев определяет субъекта права, как «лицо, обладающее правосубъектностью, то есть лицо потенциально (вообще) способное быть участником правоотношения. А субъект правоотношения, – продолжает он, – это реальный участник данных правоотношений» [2. С. 140]. Это суждение можно считать развитием идеи Р.О. Халфиной [3. С. 115–116]. Таким образом, все граждане обладают процессуальной правоспособностью, то есть являются субъектами процессуального права, но лишь немногие из них реализуют ее.

Индивид может быть участником правоотношений, будучи наделен право- и дееспособностью. Если присутствует только правоспособность, то индивид будет являться субъектом права, но не правоотношения. С момента рождения человек обладает правоспособностью, а при достижении определенного возраста становится дееспособным. Тогда он может стать реальным участником правоотношений.

Все эти выводы справедливы как для внутригосударственного, так и для международного права, поскольку понятие правоотношения для них тождественно.

В доктрине международного права в отношении правосубъектности физического лица получили распространение три теории [4. С. 84–86]:

1) субъектами международного права являются только государства, нации и народы, борющиеся за независимость, международные межправительственные организации и государственно-подобные образования;
2) субъектами международного права являются только индивиды;
3) государства и международные межправительственные организации являются основными субъектами, а юридические и физические лица обладают определенными международными правомочиями.

Традиционной и наиболее давней по времени позицией является первая. Большинство учебников по международному праву, изданных до середины 90 гг. прошлого века, придерживались именно этой точки зрения (например, учебники под редакцией Ф.И. Кожевникова, Н.Т. Блатовой, Г.И. Тункина, Курс международного права в шести томах). Подобная позиция присутствует у многих западных международников – Р. Редслоб, Дж. Шварценбергер и др.

Долгое время представители отечественной науки международного права практически единогласно отказывалась признавать международную правосубъектность индивидов. «В советской правовой литературе считается общепризнанным, что отдельные лица не являются субъектами международного права» [5. С. 270].

Так, Д.И. Фельдман и Г.И. Курдюков, в работе «Основные тенденции развития международной правосубъектности», пишут: «Индивиды не являются субъектами конкретных международных отношений. Даже будучи допущенными в международные суды в качестве истцов или ответчиков, они не приобретают международной правосубъектности. И несмотря на общую антидискриминационную направленность международноправовых принципов и норм, не следует приписывать международному праву то, чего в нем нет – международной правосубъектности индивидов и физических лиц как участников конкретных правоотношений» [6. С. 27].

В своем «Курсе международного права» Д. Анцилотти пишет, что «нормы обычного права и соглашения, которые, по-видимости, возлагают обязанности на отдельных лиц, на самом деле возлагают на государство обязанности воспрещать и наказывать определенные действия индивидов или же уполномочивают его к этому, когда в противном случае это было бы запрещено ... Разумеется, международный спор может иметь своим предметом интересы индивидов или групп индивидов ... Но такого рода интересы приобретают значение в сфере международного правопорядка не иначе, как в виде обязанностей и взаимных притязаний государств, именно таков смысл этих правовых положений» [7. С. 135].

Р.А. Мюллерсон, автор параграфа, посвященного международной правосубъектности «иных образований и физических лиц» [8. С. 178–181] в семитомном Курсе международного права, занимает другую позицию. «Категорическое отрицание международной правосубъектности индивида в советской международно-правовой литературе связано в определенной мере с этатистским подходом к международному праву и международным отношениям, возвеличиванием роли и значения государства не только внутри общества, но и на международной арене» [8. С. 180].

Даже сторонники этого подхода высказывались об ограниченности однозначного мнения – Дж. Шварценбергер, например, в отношении Европейских сообществ, рассматривал индивидов как субъектов международного права [9. С. 24].

Большинство российских юристов пока предпочитают не включать индивида в число субъектов международного права: «Международные акты не содержат признания индивида в качестве субъекта международного права...Индивид рассматривается как бенефициарий (пользователь) в отношении норм международного права, что же касается самих прав и свобод, то индивид, естественно, является их субъектом, для него они и существуют ... Благодаря этому они обладают особыми юридическими качествами. Ни международный договор, ни внутригосударственный закон не могут ограничить права человека. Для обоснования такого статуса используется концепция естественных прав человека» [10. С. 34].

В частности Ю.М. Колосов, соглашаясь с английским юристом Р. Винсентом, говорит о том, что «хотя мировое сообщество включает таких членов как индивиды и неправительственные группы, и международные права человека видоизменяют такие принципы, как суверенитет и невмешательство, тем не менее, государственность укрепляется, и именно она, будучи формой организации общества, превращает права человека в юридическую реальность» [11. С. 8].

Вторая точка зрения характерна для теоретиков монистической доктрины – Г. Кельзена, Л. Дюги, Г. Краббе и др., и подвергается критике, как с позиции традиционной теории, так и сторонниками третьей точки зрения.

Рассматривая уже упоминавшееся Соглашение между Германией и Польшей о третейском суде для Верхней Силезии 1922 г., пакистанский международник Л. Тандон оценивает статус физического лица следующим образом: «Международное право относится прямо и к государствам, и к индивидам. В польско-германской конвенции 1922 г. о Верхней Силезии индивидам был придан независимый статус самостоятельных истцов... даже против государств, гражданами которых они являлись... также разрешались споры между государствами и индивидами и в соответствии с Конвенцией 1965 г. по урегулированию споров по инвестициям между государствами и гражданами других государств – вкладчиками инвестиций в это государство». В этой же работе он отмечает, что индивид обладает некоторым количеством прав по международному праву, но его способность поддерживать их соблюдение очень ограничена [12. P. 124].

В пользу наличия у физических лиц ограниченной международной правосубъектности высказывается много как отечественных, так и зарубежных ученых – Н.В. Захарова, Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов, Ю.А. Решетов, Р.А. Мюллерсон [13. С. 104; 14. С. 49], Г. Лаутерпахт, П. Гугенхейм, А. Фердросс [15. P. 4; 16. С. 146] и др.

Нельзя согласиться с теми авторами, которые утверждают, что «отнесение всех лиц международного сообщества к субъектам международного права, во-первых, отождествляет международное и внутригосударственное право; во-вторых, понятие международной правосубъектности теряет свою особенность и даже смысл» [17. С. 20]. Подобное утверждение не отражает действительного положения вещей, ибо международная правосубъектность индивида определяется самим международным правом. Так, основные права и свободы личности закрепляют универсальные международные договоры. Ст. 87 Устава ООН предусматривает право петиций в Совет по опеке. Ряд международных договоров предоставляет индивидам право обращения в международный судебный орган. Таким образом, «качество правосубъектности лицо приобретает вне зависимости от величины круга правоотношений, в которых оно участвует или может участвовать. Достаточно наличия одного такого правоотношения, чтобы приобрести качество правосубъектности» [18. С. 114].

Авторы учебника «Международное право» под редакцией Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова, по собственному признанию, исходят из того, что «прежние представления о непреложности черт международной правосубъектности к индивидам не вполне согласуются с современным состоянием международно-правового регулирования и реальными правоотношениями», а также придерживаются «концепции признания самостоятельного международно-правового статуса личности, свидетельствующего

о его специфической международной правосубъектности» [4. С. 84–86]. Причем наличие подобных высказываний в учебной литературе [19], свидетельствует о существовании не просто гипотезы, а подхода, заслуживающего того, чтобы стать самостоятельной частью научной доктрины и иметь не только сторонников, но и последователей [20. С. 69–70].

Говоря о международно-правовом общении, П.Е. Казанский отмечал, что «субъектами этого общения являются как отдельные физические лица, так и лица юридические: государства и другие политические союзы и общества в специальном значении последнего слова, то есть союзы, преследующие одну какую-либо цель человеческого существования, или человеческой деятельности» [21. С. 256–258].

Международная правосубъектность индивида проявляется обычно в двух случаях:

1) наделение лиц в определенных ситуациях правами и обязанностями, но без признания за ними международной процессуальной правоспособности. Это касается сферы борьбы с преступностью, где индивид – субъект преступлений; права войны и защиты прав человека, где он может выступать и субъектом международных преступлений, и участником взаимоотношений с государством в вопросах гражданства, предоставления убежища и т. д.
2) предоставление физическим лицам на основе ряда международных договоров права непосредственного обращения в международные органы. Это могут быть как несудебные учреждения (например, право индивидуальных обращений в Комитет по правам человека и другие; право петиций по Уставу Международной Организации Труда и т. д.), так и судебные органы.

Возможно признание международной правосубъектности у лиц с особым статусом в международных межправительственных организациях (например, должностные лица или служащие) и в международных органах, где они выступают в личном качестве (судьи, арбитры и др.).

В частности, согласно Статуту Административного трибунала Организации Объединенных Наций, принятому Генеральной Ассамблеей 24 ноября 1949 г., Трибунал правомочен разбирать жалобы на несоблюдение договоров о найме на службу и условий служебной деятельности сотрудников персонала Секретариата ООП. Жалобы могут подаваться сотрудниками персонала, их правопреемниками в случае их смерти и прочими лицами, которые смогут доказать, что они обладают правами по любому договору о личном найме или об условиях служебной деятельности. В пункте 1 ст. 11 Статута предусматривается: «Если государство-член, Генеральный секретарь или лицо, в отношении которого Трибуналом было вынесено решение (в том числе и любой человек, унаследовавший право данного лица после его смерти), возражает против этого решения на том основании, что Трибунал превысил свою юрисдикцию или компетенцию, либо на том основании, что Трибунал не осуществил предоставленной ему юрисдикции или допустил ошибку в правовом вопросе, касающемся положений Устава ООН, либо совершил существенную процессуальную ошибку, приведшую к неосуществлению правосудия, то такое государство-член, Генеральный секретарь или заинтересованное лицо ... могут подать письменное заявление в Комитет, учреждаемый согласно п. 4 настоящей статьи, с просьбой о том, чтобы данный Комитет запросил от Международного Суда консультативное заключение по этому вопросу».

Следовательно, в качестве должностного лица Организации индивид обладает в трибунале такой же процессуальной правоспособностью, как и органы ООН [22. С. 288–289]. В 1955 г. Исполнительный совет ЮНЕСКО запросил у Международного суда консультативное заключение по вопросу о юридической обоснованности некоторых решений трибунала МОТ. Суд решил принять к рассмотрению этот запрос и в процессе принятия своего решения высказал несколько замечаний процессуального аспекта вопроса о равенстве перед судом ЮНЕСКО заинтересованных должностных лиц. Суд заявил: «В данном случае отсутствие равенства проистекает ... из положений Статута Суда. В форме консультативного разбирательства ни рассмотрении Суда находится вопрос, решение которого затронет право должностных лиц получать то, что им присуждено трибуналом, и обязанность ЮНЕСКО выполнять решения трибунала Судебный характер Международного суда требует, чтобы обе стороны, непосредственно заинтересованные в настоящем разбирательстве, имели возможность представить Суду свои мнения и аргументы.

В отношении ЮНЕСКО ни Статутом, ни Регламентом Суда не ставится никаких препятствий в этом смысле ... Когда же дело касается должностных лиц, положение иное.

Именно в этом заключается трудность, с которой столкнулся Суд. Эту трудность удалось преодолеть, с одной стороны, благодаря такой процедуре, в соответствии с которой высказывания должностных лиц доводились до сведения Суда через посредство ЮНЕСКО и, с другой стороны, благодаря отказу от устного производства. Суд не связан на будущее ни согласием, которое он давал, ни решениями, которые он выносил, В связи с принятой таким образом процедурой. В настоящем случае принятая процедура не вызвала никаких возражений заинтересованных сторон. С нею согласился адвокат должностных лиц, в пользу которых были вынесены решения. Принцип равенства сторон вытекает из требований юридически обоснованного отправления правосудия. Эти требования не были нарушены при рассмотрении данного дела тем обстоятельством, что письменное заявление от имени должностных лиц было передано через ЮНЕСКО. Наконец, хотя устного производства не

велось, Суд убедился в том, что ему была предоставлена достаточная информация» [22. С. 290].

Я.С. Кожеуров в своей работе «Проблемы международной правосубъектности индивида» [20] делает однозначный вывод в пользу наличия таковой. Вопрос о доступе к международным судебным учреждениям он рассматривает с позиции общетеоретической доктрины правоотношений и механизма правового регулирования, оценивая возможность прибегнуть к защите своего нарушенного права как правопритязание. «Притязание представляет собой такое правомочие, «которое существует в правоотношении не с самого начала, а включается при наличии дополнительных фактов (неисполнения обязанности) в состав субъективного права для обеспечения правового воздействия на нарушителя юридической обязанности». В рассмотренных выше случаях, связанных с прямым доступом индивида в международные судебные органы, правопритязание включается в состав международного субъективного права индивида, носит международно-правовой характер. «Субъективное право на стадии притязания приобретает «боевой» характер, выступает в качестве права, непосредственно готового к принудительному осуществлению». Однако даже если этого не происходит, либо по причине ненарушения обязанностей, либо по причине того, что средства защиты носят только внутригосударственный характер, право на свои активные действия, право пользования определенным социальным благом, предусмотренное международными соглашениями, не перестает быть международным субъективным правом, входящим в состав общерегулятивных правоотношений» [20. С. 152–153].

Как он отмечает, нормы международного права по правам человека, в силу их основополагающего, учредительно-закрепительного, фиксирующего характера, действительно, нуждаются в конкретизации, дополнении со стороны норм внутригосударственного права. Однако это не значит, что на основе норм международного права не может складываться никаких правоотношений. Просто эти правоотношения носят самый общий, учредительный характер. Кроме того, когда общие права и свободы нарушаются, то на основе общерегулятивных правоотношений возникают уже конкретные правоотношения, направленные на их восстановление. Эти правоотношения носят правоохранительный и восстановительный характер. Они всегда конкретны [20. С. 142].

Иными словами, участвуя в правоотношении с государством, индивид, по мнению Я.С. Кожеурова, *a priori* является субъектом международного права.

Автор абсолютно согласна с Я.С. Кожеуровым в том, что международные договоры создают права и обязанности не только для государств, но и для индивидов, однако, возникает вполне правомерный вопрос: на каком основании государство, заявляя оговорку к международному договору о непредоставлении своим гражданам права обращения в межгосударственные органы, лишает этих прав равноправного субъекта?

Ян Броунли, анализируя возможности индивидов в международных судебных учреждениях, отмечает необходимость усилить защиту прав человека, но считает, что лучший способ содействовать этому, состоит в рассмотрении практических проблем, связанных с предоставлением индивидам доступа в международные суды и с привлечением их к ответственности за нарушения международного права.

Продолжая рассуждения, он пишет: «Утверждать, что индивид является или, напротив, не является «субъектом» международного права, значит в обоих случаях брать на себя слишком большую смелость и оставлять слишком много вопросов без доказательного ответа. Индивид не несет обычной ответственности за нарушения обязательств, налагаемых по обычному международному праву, так как эти обязательства могут в большинстве случаев нести только государства и правительства, кроме того, индивид не может заявлять международно-правовые претензии. Однако нет такой нормы права, которая исключала бы возможность обладания индивидом некоторой степенью правосубъектности, и он действительно обладает такой правосубъектностью для определенных целей» [22. С. 274].

Данную точку зрения фактически поддерживает и П.А. Лаптев, говоря, что истина в вопросе о международной правосубъектности индивида лежит где-то между противоположными крайностями. С одной стороны, нельзя отрицать, что международное право регулирует межвластные межгосударственные отношения. С другой стороны, личность индивидуально, без согласия своего государства, самостоятельно может обращаться в межгосударственные судебные и политические органы по поводу нарушения его прав, гарантированных международным правом [23].

И, действительно, самому индивиду глубоко безразлично, считает его кто-нибудь субъектом международного права или нет. Он является бенефициарием (пользователем) всех прав и свобод, гарантированных ему международно-правовыми актами о правах человека, и его право на судебную защиту в межгосударственных судебных учреждениях совершенно автономно от воли его собственного государства.

Важно отметить и тот факт, что индивид, в случае удовлетворения его жалобы, будет являться инициатором международно-правового прецедента, который во многих случаях превращается и в норму международного права [23].

Рассматривая этот вопрос с другой стороны, Е.А. Николаев приходит к аналогичным выводам: «Говоря о юрисдикции международных судов в отношении граждан государства, можно отметить, что включение норм международного договора в правовую систему в той форме, как это предусмо-

трено статьями 15 и 17 Конституции, означает установление устойчивой системной связи судебной системы России и соответствующего Суда в качестве международного института, осуществляющего специальные юридические гарантии осуществления государством действующих международных договоров. При таком подходе, рассматривающем юрисдикцию международного суда как правовой режим международных гарантий прав и свобод граждан государства, снимается острота проблем, связанных с «международной правосубъектностью» граждан (теория бенефициария)» [24. С. 235].

По его мнению, с точки зрения международного права личность должна рассматриваться не как его субъект, а как особый объект правовой защиты и гарантий осуществления ее неотъемлемых и общепризнанных мировым сообществом прав и свобод вне зависимости от гражданства и места ее нахождения в установленных правом пределах. «Признание юрисдикции международного органа для своей территории на основе международного соглашения не означает при этом ущемления суверенитета государства, так как осуществляется в соответствии с принципом свободы договора» [24. С. 235].

Иными словами, граждане государства вступают во взаимодействие с органами, функционально связанными с системой юрисдикционных органов государства, и ни при каких обстоятельствах не взаимодействуют непосредственно с государствами как субъектами, обладающими неограниченной международной правосубъектностью, поэтому вопрос о международной правосубъектности граждан не должен возникать.

Таким образом, вопрос о наличии либо отсутствии международной правосубъектности у индивида не влияет на существование у него права на судебную защиту в межгосударственных судебных учреждениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 187 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 359 с.
3. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – 351 с.
4. Международное право: учебник для вузов / Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. – М.: НОРМА:ИНФРА, 1999. – 584 с.
5. Черниченко С.В. Допуск индивидов в международные суды и международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права. 1968. – М.: Наука, 1969. – С. 270–280.
6. Фельдман Д.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности / Д.И. Фельдман, Г.И. Курдюков. – Казань: Изд-во Казанского госуниверситета, 1974. – 131 с.
7. Анцилотти Д. Курс международного права. – М.: Изд-во Иностр. лит., 1961. – 447 с.
8. Курс международного права: в 7 т. Глава 5, § 6. – Т. 1. – М.: Наука, 1990. – 359 с.
9. Черниченко С.В. Личность и международное право. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 166 с.
10. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. – М.: БЕК, 2000. – 410 с.
11. Колосов Ю.М. К вопросу о примате международного права // Международное право в современном мире: Сб. статей / Отв. ред. Ю.М. Колосов. – М.: Междунар. отношения, 1991. – С. 6–18.
12. Tandon L.N. International Law // Wrights Q. Towards a Universal Law for Mankind. – L.: Mansoor Book House, 1980. – P. 124–128.
13. Решетов Ю.А. Субъекты международных преступлений // Советское государство и право. – 1983. – № 9. – С. 99–105.
14. Мюллерсон Р.А. Коллизионные и отсылочные нормы в регулировании международных отношений // Вестник Московского университета. – Сер. 11. Право. – 1983. – № 5. – С. 49–56.
15. Lauterpacht H. International Law and Human Rights. – L., 1950. – 498 p.
16. Фердросс А. Международное право. – М.: Юрид. лит., 1959. – 652 с.
17. Международная правосубъектность: Некоторые вопросы теории / Под ред. Д.И. Фельдмана, Г.И. Курдюкова. – М.: Юрид. лит., 1971. – 188 с.
18. Захарова Н.В. Индивид – субъект международного права // Советское государство и право. – 1989. – № 11. – С. 112–118.
19. Международное публичное право. Изд-е второе, переработанное и дополненное / Под ред. К.А. Бекяшева. – М.: Проспект, 1999. – С. 114–120.
20. Кожеуров Я.С. Проблемы международной правосубъектности индивида: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 207 с.
21. Казанский П.Е. Введение в курс международного права. – Одесса: Б.И., 1901. – 386 с.
22. Броунли Я. Международное право: В 2 кн. – М.: Прогресс, 1977. – Кн. 2. – 535 с.
23. Лаптев П.А. О правосубъектности индивида в свете международно-правовой защиты прав человека // Журнал российского права. – 1999. – № 2. – С. 51–58.
24. Николаев Е.А. Правовой институт взаимодействия международного и российского права и решения Конституционного Суда Российской Федерации // Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия: Матер. Всеросс. совещ. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 225–237.